

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РЕЦЕПЦИИ Л. МЕЯ: ПОЭМА «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Л. Я. Бобрицких

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.

Аннотация: объектом изучения в статье является поэма Л. Мея «Александр Невский», предметом – отсылки к житию великого князя Александра Ярославича. Источником для Мея стали образы персонажей жития, его мотивный ряд и элементы поэтики. Мощное влияние на произведение поэта середины XIX столетия оказало также устное народное творчество.

Ключевые слова: жанр, традиция, житие, воинская повесть, поэма, былина, сюжет, Александр Невский, Л. Мей.

Abstract: the object under study of this article is the poem «Alexander Nevsky» by L. Mey and the subject matter is references to Life of a great prince Alexander Yaroslavich. The main sources for Mey were the descriptions of Life's characters, a number of its motives and poetic elements. Orature greatly influenced the poet's works of the middle 19 th century as well.

Key words: genre, tradition, Life, military narrative, poem, folk tale, plot, Alexander Nevsky, L. Mey.

Имя Л. А. Мея мало известно широкому читателю. Не был он по достоинству оценен и современниками и вскоре после своей смерти был забыт ими. Тем не менее это интересный и оригинальный поэт, драматург и переводчик.

Значительное место в творчестве Мея занимают былины, сказания, песни, стилизованные под народную словесность. Поэт «хотел через осмысление остатков старины в современном быту, традиционных форм искусства и исторических отложений в народной речи проникнуть в прошлое народа и увидеть отдаленные исторические события в их непосредственной яркости и живости» [1, 176].

Мей всегда привлекали характеры стойкие, доблестные, героические. Удаливость и богатырский размах, которые поэт «подчеркивает в русском характере, связаны у него ... с патриотическим подвигом: его с «помощью божией» совершают «благородные» и «благодарные» русские витязи, всегда поборники не только свободы родины, но и православной веры» [2, 14]. Таковы Евпатий Коловрат, Александр Невский и др.

Поэма «Александр Невский» вышла в свет в 1861 году. Основным литературным источником для нее стала «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», созданная, как считают ученые, в 80-е гг. XIII в. в монастыре Рождества Богородицы во Владимире, где был погребен князь.

По своей художественной структуре «Повесть о житии...» отличается от предшествующих произведений агиографической литературы ярко выра-

женным «синтезом духовного и светского начал, компиляцией различных традиционных выражений и формул» [3, 96].

Еще В. О. Ключевский отмечал, подчеркивая оригинальность «Повести о житии...», что это «единственный по своеобразию приемов памятник древнерусской агиографии» [4, 67].

Произведение соединяет в себе черты жития и воинской повести. Особенно наглядно следование житийному канону проявилось во вступлении, содержащем традиционные для этого жанра формулы авторского самоуничижения: «Азь худый и многогрѣшный, малосъмысля, покушаюся писати житие...» [5, 426]. Безымянный автор признается, что он «грубъ... умомъ», но начинает свой труд, помолвившись Богородице и уповая на помощь своего князя. Дерзая приступить к написанию жития Александра, «сына Ярославля, а внука Всеволожа», он, следуя агиографической традиции, сообщает читателю о благочестивых родителях святого («Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостилубца и мужелубца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии» [5, 426]). Но вместо рассказа о детстве героя, чьи поступки уже в тот период должны были выявить присущие ему добродетели, появляется своеобразный «портрет» Александра, построенный на сравнении его с библейскими героями: «...лице же его – акы лице Иосифа <...> сила же бѣ его – часть от силы Самсоня, и далъ бѣ ему богъ премудрость Соломоню, храборъство же его – акы царя римскаго Еуспесиана...» [5, 426]. Как справедливо заметила В. И. Охотникова, «мысль о священ-

ности княжеской власти и сравнения с библейскими героями определяют интонацию всего дальнейшего повествования, несколько патетическую, торжественно-величавую» [6, 57].

Характерной особенностью жития является постоянное присутствие автора-рассказчика. Он отбирает преимущественно такие факты из жизни героя, которые позволяют показать его прежде всего как доблестного полководца, стоящего на страже рубежей Русской земли, как народного защитника.

Желая достойно прославить своего героя, автор привлек в помощь, говоря словами В. О. Ключевского, писание и «божественное», и «человеческое». В житии налицо отзвуки и книг Священного Писания, и житий святых, и известных на Руси в то время переводных воинских повестей об Александре Македонском, о византийском народном герое Дигенисе Акрите (Девгении) и даже «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Александр изображен в житии прежде всего как идеальный князь и воин, наделенный всеми положительными духовными и физическими качествами в наивысшей степени. Такой образ мог быть создан, скорее всего, близким к князю человеком. Как говорит сам автор, об Александре он «слышахъ от отецъ своихъ и самовидецъ ... възрасту его...» [5, 426].

С особой силой агиографические черты проявляются в заключительной части «Повести о житии...». Возвращаясь из очередной поездки в Орду, князь Александр заболел и в предчувствии близкого конца принял схиму. Важным для агиографа композиционным элементом является выражение скорби, облеченной в форму плача. Автор не может сдержать своих чувств. Обращение к самому себе в третьем лице усиливает ощущение одиночества, сиротства подданного: «О горѣ тобѣ, бѣднѣи чловец!» [5, 438]. Нанизывание риторических вопросов, объединенных анафорой, передает смятение и беспомощность перед постигшей всех утратой: «Како можеша написати кончину господина своего! Како не упадетъ ты зѣнци въкупѣ съ слезами. Како же не урвется сердце твое от кореня!» [5, 438]. Вслед за автором скорбят все жители города Владимира, «малии» и «велиции», толпами стекающиеся со всех концов. От вопля и скорбных стенаний содрогается земля. Митрополит Кирилл, обращаясь к народу, восклицает: «Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!» [5, 438].

Завершается житие описанием «дивна и памяти достойна» посмертного чуда, свидетелями которого стали митрополит Кирилл и эконом Севастьян. Когда перед погребением митрополит хотел разжать руку покойного князя, чтобы вложить в нее «духовную», Александр, как живой, простер руку и принял грамоту: «И тако прослави богъ угодника своего» [5, 438].

Черты воинской повести проявляются там, где рассказывается о ратных подвигах князя. С наибольшими подробностями описывается битва со шведами, произошедшая в устье Невы. Князь отважно сражался во главе своей дружины и «самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ» [5, 430]. На самом деле шведское войско возглавлял зять короля Эрика XI Эриксона ярл Биргер, уцелевший в бою на Неве и переживший своего победителя на три года. Биргер получил впоследствии титул герцога и стал регентом при своем малолетнем сыне, избранном королем после смерти Эрика. По мнению А. А. Пауткина, «можно назвать по крайней мере две причины допущенной автором жития неточности. Во-первых, предводитель шведов избежал плена и его истинный титул мог остаться неведом победителям. Но более вероятно, что создатель жития назвал Биргера королем к вящей славе своего господина» [3, 98]. Неизвестный автор рассказывает не только о подвигах самого князя, но и о доблести шестерых его дружинников. Гаврило Олексич, преследуя шведского королевича, въехал по сходям на корабль противника и был сброшен в воду вместе с конем, однако выбрался на берег и вновь устремился в гущу сражения. Сбыслав Якунович, не зная страха, бился с врагами одним топором так, что все дивились силе его и храбрости. Яков заслужил похвалу князя за то, что «наѣха на полкъ с мечемъ». Меша, напав с пешей дружиной на корабли, с которых высадились шведские рыцари, потопил три из них. Сава подрубил «златоверхий шатер» короля, чем вызвал ликование в русском стане. Шестым является Ратмир, сражавшийся в пешем строю в окружении врагов и скончавшийся от множества ран. Ученые считают, что в этом рассказе о шести храбрецах отразилось устное предание о битве на Неве или дружинная героическая песня.

Описание битвы на Чудском озере лишено подробностей. Все здесь подчинено законам традиционной воинской поэтики. Автор использует такие устойчивые формулы, как Александр «оплчися, и поидоша противу себе»; «и покриша озеро... обои от множества вои»; «мужи Александровы исполнишася духом ратнымъ»; «и бысть сѣча зла»; ожесточенность сражения передается через «трусъ от копий ломления и звукъ от сечения мечнаго» [5, 432]. Единственной зримой деталью, свидетельствующей о позорном поражении немецких рыцарей, стало упоминание о том, как недавно еще гордых всадников, «иже именуютъ себе Божии ритори», вели босыми подле коней победителей.

Таким образом, создавая «биографию» своего современника задолго до его канонизации, автор «Повести о житии...» воспользовался поэтикой жития – единственного древнерусского жанра, дававшего жизнеописание героя. Но реальная жизнь, о которой он повествовал, требовала привлечения

литературных форм и средств, свойственных пространственному и хорошо известному автору жанру – воинской повести. Соединение двух жанровых традиций при сохранении ведущей роли жития привело к созданию новой агиографической разновидности – жития князя-воина.

Создавая поэму «Александр Невский», Мей обращается и к народной поэзии, что проявляется на всех уровнях текста.

Открывается поэма пейзажной зарисовкой. Изображая картину природы, автор использует постоянные эпитеты («солнышко красное», «синего моря», «алою зарею»), сравнения, близкие к фольклорным («волны-разбойнички», «...волнами, что хмелем бродливым засеяно»), метафоры («Вихрем Ладога-озеро, бурей обвеяно...»; «Волхов с правого сняло оно рукава...»; «И с Ижорой в обгонку несется Нева...» [7, 172]), гиперболы («Колыхается Ладога ... Верст на двести – на триста оно разливается...» [7, 173]). Пейзаж в поэме олицетворен, наполнен движением, экспрессией, что характерно для «удалых» (разбойничьих) песен. Ср.:

*Вниз по матушке по Волге
По широкому раздолью,*

*По широкому раздолью
Поднималась бурь-погода.*

*Поднималась бурь-погода,
Погодушка немалая,*

*Погодушка немалая,
Немалая волновая... [8, 415]*

Подобные картины природы подготавливают читателя к последующим событиям. В поэме Мей это Невская битва.

В рассказе о сражении с немецкими и шведскими рыцарями автор использует целый ряд эпизодов, взятых из «Повести о житии...»: видение ижорскому старейшине Пелгусию, подвиги шестерых дружинников Александра, которые служат подтверждением мысли о полководческом даре князя и могуществе русского войска, малыми силами побеждающего врага. Но если древнерусский книжник лишь перечисляет героические поступки дружинников Александра, кратко характеризуя их, то в поэме Мей эти доблестные воины являются полноправными героями наряду с князем. С ними Александр Ярославич ведет беседу после встречи с посланниками шведского короля Магнуса (в «Повести о житии...» – некий «король части Римьския от полунощныя страны» [5, 428]), грозившими захватить Новгород, с ними он отправляется на битву. Все шестеро под стать былинным богатырям. Они наделены гиперболической силой, мужеством и отвагой. Так, Гаврило Олексич, сдержав свое слово, «добрался... По доскам до епископской шнеки

без мосту. И учал он направо и лево рубить все и сечь...» [7, 177]. Ср. в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник»:

*Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую. [9, 103]*

«Тяжким каленым мечом» храброго новгородца и «железной подковой» его коня Ворона был «сокрушен, Утонул воевода-епископ и рыцарь ... сам Спиридон» [7, 177]. Сбыслав Якунович «сек эту чудь с позевком и сплеча, И проехал сквозь полк их, и даже подкладом не вытер меча» [7, 177]. Савва у воеводы Бюргера «в ставке ... столп золотой подрубил, Да и ворогов всех, что попалися под руку, тоже Топором изрубил он в капусту...» [7, 178].

Ратники Александра полны решимости и ненависти к врагу, что проявляется не только в их поступках, но и в речи, образной и эмоциональной, наполненной афоризмами, близкими к народным пословицам: «Не слышать, чтобы Новгород цепь перенес!...», «На цепи в Новгороде – разве что пес, Да и то, коли лют...», «...жизнь не купить, не сторгуя» [7, 174].

Русские витязи противопоставлены иноземным захватчикам, образы которых Мей создает также в соответствии с былинной традицией (см. былины «Алеша Попович и Тугарин», «Василий Игнатьевич и Батыга» и др.): вначале шведы изображаются высокомерными и горделивыми, уверенными в победе (накануне битвы они «пируют в шатре... Новгородские деньги и гривны считая...» [7, 176]), однако в ходе сражения вся их спесь сходит на нет («со страхом бежали» они «где сушь, а где по воде...» [7, 178]).

Картину битвы Мей рисует с помощью таких средств художественной выразительности, как постоянные эпитеты («ретивые кони», «вражьи шеломы»), сравнения («серой рысью прыгнул...»), метафоры («закипела нещадная злоба...», «в жгучие искры ... рассыпался меч»), гиперболы («проехал сквозь полк их...»), архаизмы («шнека», «шеломы», «витязя»). Поэт также использует выражения, близкие к фольклорным, но не тождественные им: «каленым мечом» (ср.: фольклорное «каленая стрела»), «булатным копьем» (ср.: фольклорное «булатный меч»). При этом нужно отметить, что если первые заменить вторыми, то резкого смыслового и стилистического нарушения текста не произойдет. Фольклоризация языка в поэме Мей по своим функциям тяготеет к поэтизации изображаемой картины и характеров персонажей.

Наряду с высокой лексикой Мей использует сниженную, просторечную («И учал он направо и лево рубить все и сечь...» [7, 177], «...ворогов всех, что попалися под руку, тоже Топором изрубил он в капусту...» [7, 178]), что придает повествованию особый динамизм, а также способствует созданию в поэме национального колорита.

Центральное место в описании битвы, как и в былине, занимает поединок князя Александра с воеводой Бюргером, отсутствующий в древнерусском памятнике: «А князь-то <...> Как наехал на Бюргера, их воеводу, любимым конем, Размахнулся сплеча и печать кровяную булатным копьём Положил меж бровей хвастуну окаянному – шведу...» [7, 178]. Ср. в былине «Алеша Попович и Тугарин»:

*Сверстался Алеша Поповичъ млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлеснул ево шлепугою по буиноу голове,
Розшиб ему буину голову... [9, 217]*

На фигуре князя Александра необходимо остановиться подробнее. Если в «Повести о житии...» его образ строится, как было отмечено выше, на сочетании черт различных библейских героев, то Мей, создавая облик древнерусского князя, использует приемы русского фольклора, в частности былинного, главным из которых является гипербола: «Что за стан, и осанка, и плечи, и рост!...» [7, 175], «не было... нигде удальца Супротив Александра...» [7, 175], «с медведем боролся... в одиночку И коня не седлал: без седла и узды Мчался вихрем он с ним от звезды до звезды» [7, 175] (здесь также заметно влияние переводной литературы XI–XII вв. – воинской повести о богатыре Девгении, который «был... как никто другой, статен <...> в плечах – кося сажень» [10, 45] и который голыми руками двух медведей убил). Под стать Александру и конь: «...сквозь огонь, через воду Князя вынесет он, не спросившись броду» [7, 175]. Ср. в былине «Дунай»:

*По целой версты конь поскакивал <...>
По сенной купны он землики вывертывал,
За три выстрелы камешки откидывал [9, 326].*

Вместе с тем в облике Александра заметны и житийные черты. Мей называет князя «благодарным»: «...благоепнее не было в мире лица», «княжеский голос – то сила, то страсть, то мольба, То архангела страшного смерти труба» [7, 175] (ср. в «Повести о житии...»: «...глас его – аки труба в народъ...» [5, 426]).

Как и в древнерусском памятнике, Александр в поэме Мея – истинный христианин. В «Повести о житии...» он отвергает предложение папских посланцев принять католичество, и в этом автор видит торжество национальной политики русского князя. Мей гиперболизирует эту историческую ситуацию, говоря, что «в Орду его ханы к себе зазывали», «ке-сарь и шведский король его братом назвали», только князь «на них и глядеть не хотел» [7, 175].

Перед тем как выступить против врага, Александр творит молитву в св. Софии, воодушевляет свою дружину на битву: «Други-братья, помянем не кровь и не плоть, А слова, “что не в силе, а в правде господь!”» [7, 176] (ср. в «Повести о житии...»: «Он же, изшед из церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: “Не в силах богъ, но въ правдѣ”» [5, 428]).

Житийная традиция проявляется в поэме Мея и в использовании им таких жанрообразований, как «видение» и «чудо». Так, старейшина земли Ижорской Пелгусий, которого «от купели Принял князь Александр Ярославич, на светлой неделе, А владыка Филиппом нарек», стоя три ночи «на озерной на страже», видел на заре ладью, а в ней «двоих юношей в ризах червленых», на челе которых, «что солнце, сияли венцы» и которые подобны были «двум архангелам», что «спустилися с ясного неба», и «признал в них Пелгусий святого Бориса и Глеба» [7, 173]. Но если в «Повести о житии...» святые страстотерпцы говорят лишь о помощи русичам («Рече Борисъ: “Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру”» [5, 430]), то Мей вводит в их речи мотив предсказания: «Похваляются всуе кичливые шведы, Что возьмут Новоград. Да не ведать неверным победы: Их ладьи и их шнеки размечет Нева...» [7, 173], – что в итоге так и случилось.

Рассказывая о последствиях битвы, автор «Повести о житии...» акцентирует внимание на том, что на противоположной стороне Ижоры, где не могли пройти русские воины, находили убитых врагов, тем самым указывая на ангельскую помощь: «...егда побѣди короля, объ онъ поль рѣки Ижжеры, иде же на бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множество избьеных от агела господня» [5, 432]. Оставшиеся в живых бежали, потопив корабли с трупами своих воинов. Мей же говорит о постигшей врагов каре небесной: «И валилися шведы валежником хрупким, со смертной тревогой, Убегая от божией страшной грозы ни путем, ни дорогой: По лесам и оврагам костями они полегли, Там, где даже дружинники князя за ними погоней не шли...» [7, 178].

Завершая повествование о Невской битве, автор жития кратко сообщает о том, что Александр «возвратился с побѣдою, хваля и славя имя своего творца» [5, 432], тогда как Мей рисует яркую сцену встречи князя-победителя новгородцами, используя для этого и зрительные, и звуковые образы: «Застонал благовестник <...> по Волхову к князю молебная песнь донеслась...»; «Встречали с цветами его новгородки – И княгини, и красные девки, и все молодые молодки...» [7, 178], «...епископ и клир уж стояли давно пред Софийским собором И уж пели молебен напутственный князю...» [7, 179] (схожая картина рисуется древнерусским книжником после победы Александра на Чудском озере и его возвращения в Псков: «И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народ срътоша и пред градомъ съ кресты, подающее хвалу богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь» [5, 434]). Заканчивается сцена словами, отсылающими нас к былинному «исходу»: «И успел по поднебесью ветер развеять победную весть: “Князю Невскому слава с дружиной, и многие лета, и честь!”» [7, 179]. Ср. в былине «Святогор»:

*Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают... [9, 29]*

О дальнейшей судьбе Александра Ярославича Мей рассказывает подобно тому, что говорится в древнерусском памятнике: «Много лет прожил князь Александр... Не бывало на свете Преподобного князя мудрее – в миру, и в войне, и в совете...» [7, 179] (ср. в «Повести о житии...»: «Распространи же богъ землю его богатствомъ и славою, и удолжи богъ лѣт ему» [5, 436]); «И умножишася дни живота его в велицѣ славъ...» [5, 436]). При этом поэт добавляет, что и «кесарь, и папа, и хан, И на письмах с ним (Александром. – Л. Б.) крепко любовь и согласье они заручили» [7, 179], а шведский король Магнус завещал своим потомкам, «чтоб никто ополчаться на Русь на святую из них не дерзал...» [7, 179]. Ср. в былине «Василий Игнатьевич и Батыга»: Батыга отходит от Киева, заклиная больше никогда не бывать в нем:

*– Не дай мне-ка Бог на Руси бывать,
И не детям моим и не внучатам. [9, 260]*

В финале поэмы, как и «Повести о житии...», Мей сообщает о кончине Александра, после чего следует плач новгородцев и плач автора-повествователя (в отличие от древнерусского памятника, впервые появляющегося в произведении Мея), сожалеющего о смерти князя («И рыдали, рыдали, рыдали Над усопшим и старцы, и малые дети с великой печали в Новгороде... Господи! Кто же тогда бы зениц В княжий гроб не сронил из-под слезных ресниц?» [7, 179]), и рассказ о посмертном чуде: «...для грамоты смертной у князя десница раскрылась И поныне душевную грамоту крепко он держит в руке!» [7, 180] (ср. в «Повести о житии...»: «...Савастиян икономъ и Кирилъ митрополит хотя розъяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита» [5, 438]).

Тело благоверного князя Александра Ярославича, первоначально погребенное в Рождественском монастыре во Владимире, в XVIII в. (30 августа 1724 г.) по повелению Петра I было перенесено в ново-строящуюся столицу Петербург, которая обрела в лице князя, в древности побеждавшего в этих местах шведов, своего небесного покровителя. Отсюда становятся понятными строки:

И почит наш князь Александр Благоверный над синей Невою,

*И поют ему вечную память волна за волною,
И поют память вечную все побережья ему... [7, 180], –*

которыми завершается в поэме рассказ о земном пути князя.

В заключение Мей выражает надежду, переходящую в уверенность в том, что князь передаст «душевную грамоту» новому защитнику Руси, «крестом осенив чьи-то мощные плечи» [7, 180], тем самым

поэт высказывает мысль о преемственности поколений: не оскудеет земля Русская доблестными и мужественными воинами, готовыми в любую минуту встать на ее защиту.

Итак, как показал анализ, при всей схожести «Повесть о житии...» и поэма Л. А. Мея имеют существенные жанрово-стилевые отличия. Древнерусский памятник сочетает в себе черты воинской повести и жития, что определяет его стилистику. Поэму «Александр Невский» (при наличии в ней житийной традиции) пронизывает устно-поэтическая стихия. Образы князя и его дружинников, стиль диалогов, поединок Александра со шведским воеводой сближают произведение Мея с былинами. Народно-поэтический характер имеют эпитеты, которые отличаются своим «постоянством». Сбылинным стилем связывают поэму приемы повторения отдельных слов («на озерной на страже», «на Русь на святую»), тавтологических сочетаний («други-братья», «ни путем, ни дорогой», «в... печали-тоске»). Синтаксический строй поэмы определяют инверсированные конструкции («Али нет в Новгороде парней таких удалых...»; «И поведал виденье свое он в ночи»; «И в Софийский собор поклониться пошел он потом...»), характерные для народной поэзии. Произведение Мея насыщено архаизмами, а также словами сниженной, просторечной лексики, отличается яркой образностью и афористичностью. Все это способствует созданию в поэме атмосферы «старинной глубокой». Мей идеализирует «старое доброе время» и его героев, защитников Руси, главное место среди которых по праву принадлежит благоверному князю Александру Невскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Л. М. Лирическая и историческая поэзия 50-70-х годов / Л. М. Лотман // История русской поэзии / отв. ред. Б. П. Городецкий. – Л.: Наука, 1969. – Т. 2. – С. 124–190.
2. Бухмейер К. К. Лев Александрович Мей (1822–1862) / К. К. Бухмейер // Мей Л. А. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. К. К. Бухмейер. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 5–22.
3. Пауткин А. А. Повесть о житии Александра Невского / А. А. Пауткин // История древнерусской литературы: аналитическое пособие. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 96–102.
4. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – Т. VII. Специальные курсы (продолжение). – 508 с.
5. Повесть о житии Александра Невского / [подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой] // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 426–439, 602–606.
6. Охотникова В. И. Житие Александра Невского / В. И. Охотникова // Литература Древней Руси: Библиограф. словарь / сост. Л. В. Соколова; Под ред. О. В. Творого-

ва. – М. : Просвещение, 1996. – С. 56–59.

7. Мей Л. А. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч.

К. К. Бухмейер / Л. А. Мей. – М. : Сов. Россия, 1985. – 256 с.

8. Русские народные песни / сост. и вв. тексты

В. В. Варгановой. – М. : Правда, 1988. – 576 с.

9. Былины / вступ. ст. В. Калугина. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 512 с.

10. Девгениево деяние / [подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова] // Памятники литературы Древней Руси : XIII век. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 28–65, 531–533.

Воронежский государственный университет

Бобрицких Л. Я., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы

E-mail: kafruslit@gmail.com

Voronezh State University

Bobritskikh L.Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Literature Department

E-mail: kafruslit@gmail.com